
ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)6

М 20

Е.М. Малышева,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, историографии, теории и методологии истории, академик РАН., моб. тел. 8-909-469-05-00, эл. адреса: emalysheva@yandex.ru, emalysheva09@inbox.ru.

Идентичность, духовный потенциал советского общества и формирование памяти о Великой Отечественной войне: диалог прошлого с настоящим (Рецензирована)

Аннотация. Аргументируется закономерность исторической преемственности в судьбе России как фактора самосохранения в условиях угрозы независимости и этом контексте недопустимость искажения истины о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. На основе анализа немецких оценок автор выявляет различия в подходах к осмыслению итогов и уроков Второй мировой и Великой Отечественной войн в России и Германии, а также обращает внимание на важность развития конструктивного диалога историков двух стран по эти проблемам. Послевоенным поколениям нужна достоверная, подлинно научная история этого сложного периода, реконструированная на разноплановой источниковой базе. Постигание извлечённых уроков формирует идентичность, вырабатывает мировоззренческие предпочтения молодых поколений немецких и российских граждан. Сложный процесс исследования константных и неустойчивых характеристик взаимодействия общества и власти военного периода свойственен современным подходам в изучении истории военного периода германской и отечественной новейшей историографии. В этом контексте обосновывается необходимость противодействия искажению истории войны и значимость бережного отношения к исторической памяти не только как обстоятельства дефиниции российской идентичности, **но и оборонного фактора, национальной безопасности современной России.**

Ключевые слова: война, Германия, агрессия, Победа, идентичность, общество, государство, политика, повседневность, сознание, противодействие, историческая память, безопасность, менталитет, духовный потенциал, историография, концепция, стратегия.

E.M. Malysheva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Adyghe State University, Maikop, ph. 8-909-469-05-00, e-mail: emalysheva@yandex.ru, emalysheva09@inbox.ru

Identity, spiritual potential of the Soviet society and formation of memory of the Great Patriotic War: Dialogue of the past with the present

Abstract. The paper gives reason to laws of historical continuity in destiny of Russia as factor of self-preservation in the conditions of threat to independence and inadmissibility of distortion of truth about World War II and the Great Patriotic War. On the basis of the analysis of German estimations the author reveals distinctions in approaches to elucidation of results and lessons of World War II and the Great Patriotic War in Russia and Germany. Also attention is paid to importance of development of meaningful dialogue between

historians of two countries on these problems. Post-war generations need the authentic and originally scientific history of this difficult period reconstructed on the versatile source basis. Comprehension of the taken lessons forms identity and develops world outlook preferences of young generations of German and Russian citizens. Difficult process of research of constant and unstable characteristics of interaction of a society and the power of the military period is peculiar to modern approaches in studying history of the military period of the German and domestic newest historiography. In this context the author proves necessity of counteraction to distortion of history of war and the importance of solicitous attitude to historical memory not only as circumstances of a definition of the Russian identity, but also of the defensive factor and national safety of modern Russia.

Keywords: war, Germany, aggression, the Victory, identity, a society, the state, a policy, daily occurrence, consciousness, counteraction, historical memory, safety, mentality, spiritual potential, a historiography, the concept, strategy.

Историческая социальная память о Великой Отечественной войне выступает как ценностная основа национально-го самосознания, духовного потенциала и идентичности граждан Российской Федерации второй половины XX — начала XXI веков. Россия обладает мощным политическим, экономическим и военным, а, главное, огромным духовным потенциалом, уходящим своими корнями в тысячелетнее прошлое, веками обеспечивавшим её выживание в экстремальных условиях, её победы над иноземными захватчиками. И хранить этот потенциал, реализовывать его на поприще возрождения России после поражения Соединённым Штатам в «холодной войне», обеспечивать государственную безопасность представляется одной из важнейших задач современного российского общества. В Концепции национальной государственной безопасности в частности, отмечается: «Российская Федерация намерена решительно и твердо обеспечивать свою национальную безопасность. Созданные правовые демократические институты, сложившаяся структура органов государственной власти Российской Федерации, широкое участие политических партий и общественных объединений в реализации Концепции национальной безопасности Российской Федерации — залог динамичного развития России в XXI веке» [1].

Разработанная и принятая до 2020 г. стратегия является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий

и меры по обеспечению национальной безопасности. Она является также основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства. Не менее важной задачей по обеспечению национальной государственной безопасности является, по нашему глубокому убеждению, проблема изменения мировоззренческих предпочтений в российском гражданском обществе, усиления в нем приверженности ценностным, смысловым и этическим ориентирам русской традиции.

Понимание закономерности исторической преемственности в судьбе России как фактора самосохранения в условиях угрозы независимости и самому её существованию со времён Александра Невского. Она выражалась в ценностном императиве «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет...», стимулировала веру в Россию как исторический субъект, волю к действию с целью изменения условий её самосохранения и выживания в мире.

Историческая память — это всегда диалог прошлого с настоящим. При константности истории в современном российском обществе наблюдается так называемый «плюрализм» исторической памяти. Вытеснение из социальной памяти Великой Отечественной войны памяти, так называемых «травматических» моментов прошлого, на самом деле соседствует сегодня с их продуктивной исторической проработкой. Трудно переоценить значение

для будущего России бережного отношения молодого поколения россиян к наследию великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне, к вкладу СССР в разгром нацистской Германии и её союзников.

Важным компонентом и одной из составляющих российской национальной идентичности до сих пор в российском обществе остаётся аксиома: «мы — великий народ, победивший фашизм», т.е. социальная память о Великой Отечественной войне. В 1940-е гг. опасностью номер один для мирового цивилизованного сообщества стал германский нацизм — фашизм, в борьбе против которого консолидировались народы мира. Сами за себя говорят цифры о людских потерях в СССР в войне с немцами [2]. Из более чем 27 млн. человеческих жизней (а это, в основном, русские, белорусы и украинцы) 8 668 тыс. составляют потери армии, а 18 млн. — гражданского населения. Из них 7,4 млн. преднамеренно истреблено оккупантами, 2,2 млн. погибло на каторжных работах в Германии, 4,1 млн. умерло от голода и лишений в оккупации. Больше половины из почти 4 млн. советских военнопленных 1941 г. не дожили до весны 1942-го. Погиб каждый четвертый белорус, 25% населения. Более 600 белорусских деревень было сожжено оккупантами вместе с женщинами, детьми и стариками [1]. Историческая Победа в Великой Отечественной войне, вклад народов СССР в разгром фашизма — национальное достояние России, и чтобы жертвы были не напрасны, и не повторилась трагедия, недопустимо его искажение [1].

Тем не менее, так называемые «войны памяти» продолжают разворачиваться сегодня как между странами, так и между социальными группами внутри гражданских сообществ, что находит своё отражение в СМИ, публицистике и научной историографии темы.

В сознании россиян соседствуют два образа Германии. С одной стороны Германия — это бывший военный противник, фашистский агрессор, а с другой — современное развитое демократическое европейское государство

с развитой культурой. Интерес представляют материалы общероссийского опроса от 16-17 апреля 2005 г., проведенного ВЦИОМ в Москве, Новосибирске и Санкт-Петербурге. Отвечая на вопрос «Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово «Германия»?», 34 % респондентов назвали войну и фашизм. Многие участники массового опроса — более трети — отметили в связи с Германией не прошлое, а настоящее страны. 15% опрошенных респондентов вспоминают не историю, а особенности немецкой культуры: Германия — это благополучная, цивилизованная страна с высоким уровнем жизни. Для 10% — это просто одно из европейских государств.

Между двумя приведенными точками зрения есть существенное различие. Одни считают, что немцам достаточно помнить о роли Германии во Второй мировой войне. Другие полагают, что такая память должна быть не только частью интеллектуального багажа, но и составляющей национальной идентичности. В целом, из данных и сведений проведённых опросов следует, что в отношении россиян к Германии отсутствует массово выраженное стремление считать ее «наследницей» нацистской Германии. Но из них же очевидно явствует, что многие готовы не вспоминать об этой странице истории Германии только до тех пор, пока она сама о ней помнит, признает историческую вину и соответствующим образом выстраивает свою линию поведения.

Характерно, что среди ответов на вопрос «Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово «Германия» только 4% высказываний были откровенно враждебными: «ненавижу»; «наши враги». Многие придерживались мнения, что война — дело прошлое, и память о ней не должна определять сегодняшнюю жизнь и отношения между участвовавшими в войне странами. Так, 50% респондентов считают, что родившиеся после войны немцы, — послевоенное поколение — обязано помнить историю, но не должно испытывать чувства вины за нацистское прошлое. 33% опрошенных

высказывают противоположное мнение — все немцы, вне зависимости от возраста, должны испытывать чувство вины за войну, развязанную нацистской Германией — их страной. Когда респондентов попросили назвать кого-нибудь из знаменитых немцев, четверть ответивших на вопрос (13% по выборке в целом) упомянули Гитлера. В этом контексте весьма важными представляются воспоминания не только российских, но и немецких ветеранов — значимый источник исторической памяти. Сведения, донесённые носителями исторической памяти до сознания молодого поколения как российского, так и германского общества, призваны сформировать национальную идентичность. Конечно, как представляется, немецкой стороне труднее говорить о войне. На мемориалах, местах захоронений, у Вечного огня «Неизвестному солдату» особенно остро ощущаешь не парадную, не победную, а повседневную трагическую память о войне. В этом контексте автору настоящей статьи вспоминается российско-германская конференция в Волгограде «Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет»: Волгоград — немецкий мемориал. Поразительная по глубине и противоречивости надпись, предваряющая вход к мемориалу немецким захоронениям: «Нашим павшим товарищам и бывшим противникам с мольбой о мире...» осталась в памяти, «застряла» в сознании. Мольба о мире, стремление к миру, борьба за мир... и могилы молодых немцев, погибших на берегах священной русской реки Волги, у самого сердца России.

Очень важно, чтобы общая память о войне служила предупреждением, сближала нас, делала вдумчивее и добросердечнее, лучше. Но нельзя забывать о том, что есть в историографии проблем войны два названия, и, соответственно, два взгляда на неё «с высоты прожитых лет». Остаётся непреложным суждение о том, что священная для советского общества Великая Отечественная война по отражению нацистской агрессии для Европы была «восточным фронтом» Второй мировой.

Эта война в социальной исторической памяти остаётся также самым большим поражением в немецкой истории и самой большой победой — в российской. Для нашей страны — СССР — России — она была и остаётся Великой и Отечественной. Ни прошедшие десятилетия, ни европейская интеграция, ни личная дружба бывшего канцлера Германии и нынешнего президента России пока не приводят воспоминания о войне к одному знаменателю, даже если главы враждовавших тогда государств теперь за одним столом провозглашают тост в честь Дня Победы — 9 мая. Необходимо продолжение диалога между компетентными немецкими и российскими учёными-экспертами, столь продуктивно развивающегося Институтом всеобщей истории Российской академии наук. Обмен представлениями о формах и функциях официальной и частной, локальной памяти о Второй мировой — «Великой Отечественной войне»; об отношении ко Второй мировой войне в Советском Союзе и о современном состоянии памяти о Второй мировой войне в России и в Германии; о Второй мировой войне в частных и семейных воспоминаниях; о воспоминаниях как историческом источнике; об оценках литературной и художественной обработки воспоминаний в российских и германских СМИ и т.д. и т.п.

Необходимо признать, что с течением времени в коллективном сознании немцев и русских война получает разные оценки и акценты. Немецкое общество пережило богатый спектр вариантов оценки Второй мировой — от «немцы — главные жертвы Гитлера», до критики позиции, защищающей невиновность «маленького человека» в больших событиях. Согласно мнению профессора Йенского университета Норберта Фрая, специализирующегося в новейшей истории, несмотря на то, что правительство ФРГ не могло «цементировать» позицию отношения к войне, как это делалось в ГДР и СССР, политика не могла не влиять на взгляды общества. Кроме того, коллективная память о войне меняется в связи с тем, что все меньше остаётся ее свидетелей

и участников. Особенностью последнего времени Норберт Фрай считает тему «война глазами простого солдата». В качестве показателя — большое количество немецких телефильмов именно о людях на войне, их семьях и друзьях, страхах и надеждах, о человеческих отношениях, а не о полководцах, маршах, захватах и тактике наиболее значимых битв. Можно согласиться с суждением, что если немецкое общество раньше говорило о поражении, а советское — о победе, то сейчас оба говорят об «опыте маленького человека на войне». Более полувека, как отмечает известный немецкий историк Вольфрам Ветте [4], у немцев в основном был положительный образ вермахта в период национал-социализма и Второй мировой войны. Эта легенда родилась в среде высшего военного руководства нацистской Германии. Она получила хождение из доклада верховного главнокомандующего вермахта гросс-адмирала Карла Денница 9 мая 1945 года. В последнем выпуске «Wermachtbericht» о состоянии вермахта следовало, что германский вермахт сражался «героически», «с честью», «изо всех сил», а «результаты его военных действий забываемы» [5].

В общественное сознание граждан Германии десятилетиями послевоенного периода внедрялось представление, что вермахт вёл обычную войну, не совершал военных преступлений на оккупированной территории, не был послушным орудием в руках Гитлера, не принимал участия в Холокосте и т.п. В историческое сознание германского общества был прочно внедрён образ «чистого», ничем не запятнавшего себя вермахта. В германском обществе существовала и существует постоянная тяга к забвению «нежелательного» прошлого. Преодоление прошлого — категория, имеющая отношение к настоящему и будущему немецкого народа, по мнению С. Я. Драбкина. Тем не менее, в историографии Федеративной Республики Германии с конца 60-х годов, начиная с глубоких публикаций военного историка Манфреда Мессершмидта, постепенно «сходит глянец» с

приукрашенного образа германского вермахта, систематически пропагандировавшегося среди общественности. Подготовленная и экспонировавшаяся в разных городах Германии в 1995 году гамбургским Институтом социальных исследований выставка под названием «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941-1944 годах» разрушила миф о «чистом вермахте» в общественном сознании немцев. Привлекая документы относительно целей и проводившейся политики германского рейха на территории Польши, Сербии и СССР, немецкие специалисты в области военной истории показали, как в действительности шла на Востоке война вермахта против «еврейского большевизма». Отмечается принципиальное отличие войны «германского вермахта на Западе, в том числе в Греции, Италии и Франции, от войны на Востоке, которое заключалось в отсутствии расистски обоснованной установки «на уничтожение».

Со сменой поколений в начале XXI столетия начался процесс переосмысления прежних ориентиров в немецком обществе. Однако, несмотря на то, что уже с середины 1960-х годов в германской историографии наблюдается отказ от деления на «чистый вермахт» и «грязные СС», нельзя с полной определённостью говорить о сжившемся едином представлении исследователей о вермахте. Тем не менее, на передний план германские исследователи войны всё более выдвигают оценку вермахта как «непосредственного инструмента национал-социалистической политики уничтожения». «Вермахт причастен к национал-социалистической политике уничтожения. В ходе войны он всё больше втягивался в преступления Гитлера и его режима. Масштабы участия и вовлечённости всё ещё ставят перед исследователями проблемы и требуют дальнейшей научной работы» [6].

Всемирно известный немецкий философ Карл Ясперс главным для будущего Германии считал процесс национального самоосмысления и национальной самокритики. Наряду с политической и уголовной ответственно-

стью за содеянное зло каждого немца, особое значение учёный придавал моральной ответственности (курс лекций и докладов «Проблема вины»). Ясперс, говоря о Нюрнбергском процессе, отмечал, что национальный позор не в суде, а в том, что к нему привело, в самом факте функционирования нацистского режима. «Осмысление путей преодоления наследия Третьего рейха» Ясперс продолжает в книге «Истоки истории и её цель», в которой призывает современников к преодолению барьеров предвзятости и недоверия.

Феномен германского фашизма продолжает оставаться предметом продолжительной, достаточно острой полемики и в новейшей немецкой историографии, для которой характерен плюрализм воззрений, суждений и точек зрения [7]. В этом контексте весьма важным представляется продолжение диалога и сотрудничества учёных России и Германии, инициируемого коллективом Германского исторического института в Москве (ГИИМ). Одной из интересных программ совместно с Институтом российской истории Российской академии наук стал научно-исследовательский проект «В окопах Сталинграда» (Руководитель проекта с немецкой стороны: проф. д-р Йохен Хельбек (Jochen Hellbeck — ГИИМ/ Университет Ратгерс, США). Издание неизвестных прежде документов о Сталинградской битве (1942–1943 гг.), позволят услышать голоса советских солдат, как они были записаны непосредственно во время военных действий. По своему происхождению эти документы призваны приблизить исследователя значительно ближе к исторической правде для реконструкции истории военной повседневности и личного военного опыта советских солдат. Он должен представить собой микрослепок советского общества периода Великой Отечественной войны, особый и неповторимый по своей глубине и насыщенности.

Констатированный прежде историками в отношении советской интеллигенции феномен использования, несмотря на все опасности и лишения,

свободных пространств, открывшихся во время войны, особенно духовного потенциала осознания и идентификации себя активными участниками всемирной войны, распространяется также и на солдат, сражавшихся в рядах Красной армии как части советского гражданского общества. Ближе к окончанию войны такая свободная манера излагать свои мысли, откровенно проявившаяся в Сталинградских беседах, стала неосуществимой. Сотни бесед с красноармейцами и гражданскими лицами были стенографированы группой московских историков в начале января 1943 г. на Сталинградском фронте. По своей искренности и открытости эти документы личного происхождения являются на самом деле уникальными. Они создают представление о менталитете, самоидентификации, мироощущении, мыслях советского воина во время боевых действий, его стремление осознать свою роль в глобальных событиях общенациональной важности. По результатам завершения проекта выход комментированного издания на русском и немецком языках станет исходным положением для оценки, в том числе германском обществе, истории военного опыта советских людей. Не в последнюю очередь это издание будет и определенным вкладом в дискуссию о Сталинграде как «месте памяти», занимающем серьезное место и в российской, и в немецкой коллективной памяти. Предполагается, участники проекта надеются, что документы исторической комиссии Минца в немецком переводе по крайней мере расширят, если не поставят под сомнение, упорно оберегаемое в Германии представление о Сталинграде как о трагедии исключительно немецкого народа. Ведь основная масса немецких исследователей Сталинградского сражения называют её не иначе, как «Сталинградская катастрофа».

Сложный процесс исследования константных и неустойчивых характеристик взаимодействия и взаимовлияния общества и власти, обнаруживающих их возможности по защите и реализации жизненно важных общественных

интересов свойственен современным подходам в изучении социальной истории периода Второй мировой и Великой Отечественной войн. В этом процессе используют различные исследовательские подходы, позволяющие оценить социальные, экономические, политические, нравственно-духовные, этнонациональные, этические, военные и иные возможности государства и общества. Выявление внутренних духовных взаимосвязей личности со всеми аспектами обеспечения жизнеспособности, жизнедеятельности, других возможностей государства в чрезвычайных и экстремальных условиях войны являются наиболее востребованными к разработке научными проектами в отечественной и зарубежной историографии.

Это позволяет раскрыть базовые ценности глубинных установок формирования государственной политики в СССР 30-40-х гг. XX столетия. Реализация советской государственной социальной политики основывалась на активизации духовно-нравственного потенциала многонациональной страны. Она была нацелена на обеспечение национальной государственной безопасности в недружественном окружении. Важную роль играла взвешенная государственная социальная политика по обеспечению идеологической поддержки обществом в реализации государственных глобальных планов строительства социализма, декларировавшегося как наиболее, если не самое справедливое мироустройство. Социальные представления о соотношении между различными ингредиентами политического пространства, о национальной безопасности и угрозах ей, о советской внешнеполитической стратегии, предпочтениях внешней политики, исторической миссии СССР формировались мощной системой идеологического обеспечения всенародной поддержки государственной политики советского государства. Одной из важнейших характеристик развития современного мира стало изменение политико-географических границ России после развала СССР.

Идентификация себя как части единого общественного организма, осозна-

ние своей роли в политических, социальных, этнонациональных процессах в годы войны неизмеримо повышали уровень самооценки и значимость личного участия в общих процессах достижения Победы, преодоления тягостей военной повседневности. Понимание дилеммы «свой» — «чужой», мироощущение советского человека, формировавшегося три десятилетия предвоенной советской истории, включают в себя многообразные характеристики социокультурной и самобытно-исторической субъектности. Они связаны с этничностью, национальным менталитетом, традициями и этнонациональной идентичностью, и являются основными факторами самоидентификации и мироощущения, лежащими в основе парадигмы: власть-общество-личность.

Политика, отношения власти и общества, определяли место человека, его социальную адаптацию в меняющихся условиях войны. Война вызвала такие нестандартные явления и трансформации жизненных условий, как: эвакуации, плен, состояние «несвободы», оккупация, концлагерь, статус «остарбайтера» и т.п. Эти обстоятельства отражались в жизненных воззрениях, моделях поведения, поступках людей и социальных страт. В изменённых, непохожих на сложившиеся довоенные устойчивые модели поведения проявляли другой уровень человеческого мироощущения как составляющей сформировавшегося сознания. Возникало сложное взаимодействие разнохарактерных убеждений, чаяний, умонастроений, позиций, размышлений, чувств, склонностей. Именно они становятся, связываясь в мировосприятии сложившихся условий, особой социокультурной средой и важными компонентами этнонациональной идентичности, определяя модель поведения в условиях выживания.

Историческая национальная память, духовно-нравственные установки и аксиологические ориентиры в экстремальных условиях войны позволяют через сложный комплекс мировоззрения действия личности и (или) страт попытаться осмыслить и объяснить

их поступки. Причём, необходимо подчеркнуть, что для российской гражданской ментальности, всегда имела немаловажное значение взаимосвязь между политикой, проводимой советским государством и поддержкой её социумом. Таким образом, проясняется феномен выживаемости и стремление сделать всё возможное для приближения конца ненавистной войны: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

Победа в Великой Отечественной войне в системе ценностей российских граждан начала XXI века не теряет своего значения: ее назвали центральным событием XX столетия 87% из числа опрошенных Аналитическим центром Юрия Левады. Большинство граждан нашей страны считают, что мы не просто победили, а победили такого врага, перед которым не устояли более благополучные страны, что является в действительности реальным историческим фактом.

Однако научному сообществу историков — исследователей социальных отношений военного периода необходимо сегодня давать адекватную оценку и тому непреложному факту, что наиболее актуальными темами историографии восточно-европейских стран становятся такие сюжеты, как цена войны; насилие Красной Армии в европейских странах; экспансия советской власти и т.п. По мнению ряда отечественных историков — эта тематика, наряду с бомбардировками Германии союзниками, превалирует в немецких средствах массовой информации и таким образом искажает историю. Вместе с тем, по мнению ряда как российских, так и зарубежных исследователей, такие темы в России до сих пор остаются вне публичного обсуждения. При этом, 68% опрошенных россиян считают, что всей правды о войне мы до сегодняшнего дня не знаем. Несмотря на то, что расширяется доступ к архивам, ни один исследователь истории войны не может использовать весь многоязычный материал, хранящийся в зарубежных архивах на разных языках.

Насущная задача историков заключается в необходимости достиже-

ния истины, донесение не искажённой конъюнктурными соображениями, основанной на серьёзной источниковой базе всей правды о событиях, социальной истории периода Второй мировой и Великой Отечественной войн до новых поколений российских и немецких граждан. Особенно это представляется важным для российского общества, находящегося в состоянии затянувшегося мучительного поиска идентичности и достойного пути в будущее. Также необходима и гражданскому германскому обществу достоверная, подлинно-научная история Великой Отечественной войны, реконструированная на разноплановом солидном корпусе источников. Для России — Российской Федерации в современных геополитических реалиях в этом контексте весьма важной представляется задача бережного отношения к исторической памяти о трагических и героических годах Великой Отечественной войны. Очень важно не забывать как о вкладе в Победу советского народа, так и об уроках, извлечённых германским обществом из тринадцатилетнего правления нацистов в Германии.

Правда о войне — это не только обстоятельство определения российской идентичности, но и оборонный фактор современной российской государственности, её национальной безопасности. «Национальная безопасность» — это состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Национальные интересы государства представляют совокупность внутренних и внешних потребностей в обеспечении защищённости и устойчивого развития личности и общества и государства. Угроза национальной безопасности трактуется как прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни

граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства. Важнейшими направлениями обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, являются важнейшие национальные приоритеты, устойчивое социально-экономическое развитие и суверенитет страны, ее независимость и территориальная целостность.

Алгоритм формирования политики российского государства по обеспечению национальной государственной безопасности включает анализ интересов объектов обеспечения безопасности и угроз этим интересам, и формирование, в соот-

ветствии с полученными результатами, основных направлений обеспечения безопасности, составляющих суть её стратегии. Основными целями совершенствования национальной обороны России являются предотвращение глобальных и региональных войн и конфликтов, а также реализация взвешенной политики сдерживания в интересах обеспечения безопасности страны.

Внешнеполитическая стратегия, согласно Концепции, координируется с внутренней политикой, и российские властные структуры всех уровней, общественность, призваны придерживаться достаточно чётко сформулированных национальных интересов, в которых далеко не последнее место занимает патриотическое воспитание молодёжи на примерах истории Великой Отечественной войны.

Примечания:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537. URL: http://base.garant.ru/images/www/all/l_gif.gif

2. Объективные статистические данные о потерях, признанные большинством экспертов, в том числе на международной конференции ИРИ РАН 1994 г.

3. Геноцид русского народа // Имперский взгляд. 2005. Вып. №12. URL: <http://www.imperiya.ru>.

4. Die Wermacht. Feinbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. М., 2002; Вермахт, образы врага, война на уничтожение, легенды. Франкфурт — на — Майне, 2002.

5. Die Wermacht ist kein Vorbild. Volker Ruches klares Wortzum Selbsverstandnis der Bundeswehr // Die Zeit. 1996. №49. S. 16.

6. Ветте В. Гитлеровский вермахт // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 546, 457.

7. Малышева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов. Современные подходы. М.: Наука, 2005. С. 317.

References:

1. The strategy of the national security of the Russian Federation till 2020: approved by the Decree of the President of the Russian Federation on May 12, 2009. No. 537. URL: http://base.garant.ru/images/www/all/l_gif.gif

2. The objective statistics of the losses, recognized by the majority of experts, including those given at the international conference of the IRI RAS of 1994.

3. The genocide of the Russian people // The Imperial Look. 2005. Issue No. 12. URL: <http://www.imperiya.ru>.

4. Die Wermacht. Feinbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. М., 2002. Wermacht. Enemy's images, exterminatory war, legends. Frankfurt-on-Main, 2002.

5. Die Wermacht ist kein Vorbild. Volker Ruches klares Wortzum Selbsverstandnis der Bundeswehr // Die Zeit. 1996. No. 49. S. 16.

6. Vette V. Hitler's Wehrmacht // Memory of war 60 years later: Russia, Germany, Europe. М.: New lit. review, 2005. P. 546, 457.

7. Malysheva E.M. Patriotism and collaborationism in the years of the Great Patriotic War // Russia in the XX-th century. The war of 1941-1945. Modern approaches. М.: Nauka, 2005. P. 317.